

Поворот в культурной политике в БССР в конце 20-х — начале 30-х гг.

Этот материал будет полезен учителям и учащимся при изучении в IX классе средней школы темы "БССР в конце 20-х — 30-х гг." Он поможет глубже понять противоречивые процессы, происходившие в этот период в общественно-политической и культурной жизни республики, даст возможность расширить круг конкретного фактического знания по теме.

Во второй половине 20-х гг. в Беларуси, как и в целом по СССР, относительный плюрализм в сфере культуры, ограниченно допускавшийся во время НЭПа, начал сворачиваться по всем направлениям. Тенденция к упрощению единообразию, единомыслию постепенно подавляла все, что не вписывалось в складывающуюся авторитарно-бюрократическую модель общественного устройства. Изменение общей политики во всех сферах общественной жизни неизбежно деформировало государственную национально-культурную политику. Официально считалось, что национальный вопрос в СССР продолжал решаться в духе резолюций X и XII съездов РКП(б). На практике же любая попытка партийно-государственного руководства проводить в союзных республиках относительно самостоятельную политику в экономической и культурной сферах наталкивалась на сопротивление сторонников централизма. Эта тенденция проявилась, прежде всего, в критике позиций национально ориентированных коммунистов и национальной интеллигенции. При этом нередко национальное сознательно отождествлялось с националистическим. В партийном и государственном аппарате настроенно относились к про-

лениям национальных чувств, выразившихся, в частности, в работе о развитии национальной культуры и языка.

В БССР поворот в культурной политике закрепил XII съезд КП(б)Б (5—14 февраля 1929 г.). Дискуссия, развернувшаяся на съезде, показала, что во всех звеньях партийного и государственного аппарата сформировались силы, склонные к ревизии национальной политики. Часть делегатов считала необходимым расширение применения командно-административных методов в сфере культуры. Во многих выступлениях проявилась готовность пересмотреть отношение к национальной интеллигенции. Эта тенденция нашла выражение в положении резолюции съезда по отсчету ЦК КП(б)Б, в соответствии с которым интеллигенция делилась на две группы: работающую под руководством партии и антисоветскую. В первое время после съезда руководство КП(б)Б очень осторожно прибегало к мерам административного воздействия на культуру и творческую интеллигенцию. Это объясняется, прежде всего, влиянием национально-ориентированных коммунистов, занимавших видные посты в партийном и государственном аппарате республики.

Резкая смена политической обстановки произошла в связи с предпринятым в мае—июне 1929 г. ЦК ВКП(б) обследованием практики проведения национальной работы в БССР [76—78, 117—129]. Комиссия В.П.Затонского обосновала необходимость коренного пересмотра национально-культурной политики и методов ее проведения. Жесткая критика была высказана в адрес руководителей, занимавших последовательно национальную позицию (В.М.Игнатовский, Д.Ф.Жиднович, А.И.Балицкий и др.). Затонский обвинил руководство КП(б)Б в излишней уступчивости национальной интеллигенции и призвал начать широкую кампанию по разоблачению ошибок. Выводы комиссии обусловили содержание новой концепции национально-культурной политики в БССР. Кампания началась редакционной статьей газеты “Звезда” от 17 июля 1929 г. “О правом уклоне в КП(б)Б по национально-

му вопросу". Перед КП(б)Б, государственными и общественными организациями была поставлена задача развернуть активную борьбу с белорусским национал-демократизмом, который объявлялся главной опасностью в национально-культурном строительстве. Позиции белорусской национальной демократической интеллигенции характеризовались как антисоветские, несовместимые с принципами партийной идеологии. Решительные меры предполагалось принять и против белорусских коммунистов национальной ориентации.

Организационные выводы последовали незамедлительно. 24 августа 1929 г. бюро ЦК КП(б)Б освободило Б.И.Стасевича от обязанностей заведующего Агитпропотделом ЦК, члена бюро и секретариата ЦК КП(б)Б. 31 августа с должности наркома просвещения был уволен А.И.Балицкий. Сентябрьский (1929) пленум ЦК КП(б)Б объяснил его смещение тем, что "бывшее руководство Наркомпроса не обеспечило твердой классовой линии на культурном фронте, не давало решительного отпора враждебным идеологиям" [2]. Кроме указанных лиц от работы в партийно-государственном аппарате были отстранены нарком земледелия Д.Ф.Прищепов и его заместитель А.Ф.Адамович. В.М.Игнатовский и Д.Ф.Жилунович были вынуждены поместить в прессе письма с признанием своих "ошибок".

В печати развернулась пропагандистская кампания, в ходе которой в общественное сознание внедрялся тезис о тесной связи белорусского национал-демократизма с так называемым белорусским национал-фашизмом Западной Белоруссии. При этом акцент делался на якобы существующую готовность национал-демократов в БССР перейти к активным антисоветским действиям.

Составной частью широкой политической кампании против национальной интеллигенции и коммунистов национальной ориентации стало наступление на художественный плюрализм, творческое инакомыслие, присущие белорусской культуре 20-х гг. ЦК КП(б)Б потребовал от государственных уч

реждений, ведающих вопросами художественной культуры, незамедлительно приступить к “пролетаризации” всех ее сфер. Это предполагало усиление регламентации художественного творчества при помощи социального заказа, ориентированного на актуальную тематику. В конце 1929 — начале 1930 г. пресса была буквально переполнена статьями, в которых предписывалось воплощать в литературе, музыке, драматургии, изобразительном искусстве успехи коллективизации и индустриализации, ход выполнения пятилетки, проявления обострения классовой борьбы и т.п. Социальный заказ стал обязательным, а отклонение от него вызывало обвинения в “реакционности”, “упадничестве”, противодействии развитию пролетарского искусства. С этих позиций критиковалась работа Минского музыкального техникума, Белгоскино, белорусские театры. Художников Беларуси критиковали за “идеализацию” прошлого, “кулацкие настроения” и т.д.

ЦК КП(б)Б контролировал процесс “пролетаризации” белорусской культуры через специальные органы: Главлит, Главрепертком, худсоветы, систему политредактуры газет, журналов, издательств. В качестве новой формы контроля стали практиковаться различные мероприятия с участием “пролетарской общественности”. Участники таких акций из числа комсомольских и профсоюзных активистов рассматривали сценарии и обсуждали тематические планы Белгоскино, совместно с Главискусством проверяли драматический и музыкальный репертуар художественных учреждений, оценивали “классовое содержание” музыкального воспитания в Минском музыкальном техникуме и т.д. [3].

Особенно драматично борьба за “пролетарскую культуру” проходила в белорусской литературе. Здесь в качестве инструмента ЦК КП(б)Б использовал Белорусскую ассоциацию пролетарских писателей (БелАПП). В результате их совместных действий в 1929—1930 гг. литературные организации “Узвышша” и “Полымя” были вынуждены признать БелАПП ведущей литературной организацией БССР и факти-

чески подчиниться ей. Объектами жесткой критики стали писатели-коммунисты (М.Зарецкий, Т.Гартный (Д.Жилунович) так и беспартийные литераторы (В.Дубовка, Я.Пуца, А.Бабреко, А.Мрый, Г.Кляшторный и др.). Не избежали несправедливых нападков Я.Купала и Я.Колас.

Борьба против национальной интеллигенции значительно обострилась в связи со сменой состава политического руководства республики. В начале января 1930 г. в Беларусь был направлен К.В.Гей, который стал первым секретарем ЦК КП(б)Б. Одновременно был назначен новый председатель ЦК БССР. Им стал Г.Я.Раппопорт. Под их руководством начались масштабные чистки в наркоматах земледелия, просвещения, Белгосиздательстве. В мае 1930 г. комфракция президиума Белорусской академии наук, выполняя решения бюро ЦК КП(б)Б, освободила от занимаемых должностей в институтах академии Я.Лесика и В.Ластовского и внесла предложение о лишении обоих звания академика [4].

Наряду с идеологическим давлением и кадровыми чистками, против интеллигенции стали применяться репрессии. Уже в феврале 1930 г. были арестованы работники наркомата просвещения А.Г.Аниховский и И.К.Белькевич, в марте — бывший директор БГТ-2 Н.Красинский.

Теоретическое обоснование применения репрессивных методов борьбы против белорусской интеллигенции было закреплено XII съездом КП(б)Б (30 мая — 12 июня 1930 г.). В резолюции съезда по докладу о профсоюзах выдвигалось положение о том, что в условиях БССР главной опасностью в национальной политике является белорусский национальный демократизм. Этот тезис оказался в противоречии с резолюцией XVI съезда ВКП(б) (26 июня — 13 июля 1930 г.), которая объявляла “главной опасностью” в национальном вопросе не местный национализм, а великорусский шовинизм. Партийное руководство БССР, признав ошибку, оправдывало свой промах обострением политической ситуации в республике. В действительности эти разногласия не имели отнош

ния к реальной национальной политике. Руководство ВКП(б) боролось не против каких-либо национальных уклонов, а прежде всего против инакомыслящей интеллектуальной и духовной элиты всех народов, которая могла претендовать "на нравственное, если не политическое руководство обществом" [5, 22—23].

Аресты, начавшиеся в конце зимы, особый размах приобрели весной—летом 1930 г. По так называемому делу Союза освобождения Беларуси (СОБ) было арестовано около 100 человек. Среди них большинство составляли видные деятели белорусской науки и культуры.

Курс на форсированную замену демократического содержания белорусской культуры узкоклассовым был закреплен Октябрьским пленумом ЦК КП(б)Б (1930 г.). Задачу пленума сформулировал председатель СНК БССР Н.М.Голодец: "Мы на данном пленуме должны сделать серьезный поворот в деле проведения борьбы за белорусизацию..." [6]. Изменение направления в национальной политике КП(б)Б связывалось, прежде всего, с "делом СОБ". На закрытом заседании, куда были допущены тщательно отобранные делегаты (около 200 человек), председатель ГПУ БССР Г.Я.Раппопорт сообщил о раскрытии в республике контрреволюционной организации. Он особо подчеркнул связь этой организации с национал-коммунистами. Выдержки из показаний арестованных национал-демократов, приведенные в сообщении, должны были убедить присутствующих в том, что национал-демократизм в течение 10-летнего периода был не только идейным течением, но и с 1921 г. сформировался в нелегальную антисоветскую организацию.

На пленуме создавался подчеркнуто агрессивный образ национально-демократической интеллигенции, якобы подчинившей себе за 10 лет наиболее важные участки культуры: школы, издательства, научные учреждения, творческие организации и т.д. Практически все выступавшие на пленуме осудили политику широкого использования национальной интеллигенции и требовали скорейшей замены ее "пролетарскими

кадрами". В частности, Н.М.Голодод под всеобщее одобрение присутствующих предложил "взять целую группу пролетариев с заводов и, не откладывая ни на день, посадить их в важнейшие культурно-просветительные и научные учреждения, как, например, в Академию наук, в первую очередь, и если нужно, так сделать их академиками" [7]. Объявление контрреволюционной деятельности на пленуме было предьявлено Я.Купале и Я.Коласу.

На закрытом заседании пленума рассматривался и вопрос о национально ориентированных коммунистах, связанных с "делом СОБ". По мнению участников пленума, их деятельность способствовала превращению Академии наук в "идеологический и политический штаб контрреволюционной организации", а Наркомпроса, Белгосиздата, газеты "Советская Беларусь", журналов "Полымя" и "Узвышша" — в источники распространения национал-демократической идеологии [8]. Решения пленума характеризовали "национал-оппортунистов" как "агентуру буржуазии в рядах партии" и объявляли их взгляды несовместимыми с пребыванием в КП(б)Б [9]. Это означало исключение из активной политической жизни национально мыслящих членов партии, что неизбежно вело к свертыванию политики возрождения белорусской культуры на демократической основе.

Хотя руководство КП(б)Б добилося на пленуме осуждения национал-коммунистов, тем не менее оно не допустило дискредитации всей культурной политики, проводившейся в 20-е гг. Любая попытка создать впечатление об антибелорусском характере поворота в национальной и культурной сферах пресекалась. Октябрьский пленум ЦК КП(б)Б признал проведение национальной политики в основном правильным и даже рекомендовал использовать положительный опыт на новом этапе общественного развития. Однако это осталось формальным призывом. Фактически партийное руководство не признало эту преемственность. Сразу после пленума начался пересмотр содержания работы науч-

ных и просветительских учреждений, издательств, творческих организаций.

Октябрьский пленум ЦК КП(б)Б (1930 г.) четко обозначил новое содержание культурной политики в Беларуси. Был взят курс на осуществление сталинского варианта “культурной революции”, проводимой жесткими аппаратными средствами. Октябрьский пленум был кульминационным моментом борьбы с национал-демократической интеллигенцией. Его решения стали предпосылкой для изменения идейной основы белорусской культуры. С этого момента начался новый этап культурной политики, в основе которой лежала идея полного подчинения этой сферы духовной жизни политическим целям государства.

1. *Платонов Р., Сташкевич Н.* Так начиналась национальная трагедия // Неман. — 1992. — № 9; *Платонов Р., Сташкевич Н., Гесь А.* “Ударить более сильно...” или как искали “врагов народа” // Неман. — 1993. — № 12.

2. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ), ф. 4, оп. 3, д. 33, ч. 2, л. 533.

3. Там же, ф. 4, оп. 14, д. 3, л. 63.

4. Там же, ф. 15, оп. 28, д. 22, л. 71.

5. *Фицпатрик Ш.* Классы и проблемы классовой принадлежности в Советской России 20-х годов // Вопросы истории. — 1990. — № 8.

6. НАРБ, ф. 4, оп. 7, д. 75, ч. 2, л. 26.

7. Там же, л. 157.

8. Там же, л. 142—144.

9. Там же, л. 22.